

Сергей Пахомов
ИЗВЕСТЬ

Сергей Пахомов

Известь

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22143541
ISBN 9785448348617*

Аннотация

Наталья Мелёхина: «Сергей Пахомов принадлежит к небольшому числу тех авторов, которые входят в сокровищницу мировой художественной культуры как в свою деревенскую кладовку с соленьями и вареньями. А все потому, что он знает: и кладовая русской деревни – это тоже часть мира, и она столь же бесценна в эстетическом отношении. Не признать удивительной силы этого сочетания – русское исконное начало и кладезь мира – невозможно!» Автор выражает глубокую признательность художнику Анатолию Концубу.

Содержание

Часть 1: Метаморфозы	6
Метаморфозы	9
Терпсихора	12
Гетера	13
Скатерть-самобранка	14
Маргаритки	15
Викинг	16
Саами	17
Герострат	18
Кальмары	19
Уильям	20
Египет	21
Майя	22
Клон	23
Летучая мышь	24
Руны	25
АТО	27
И звёзды!	29
Гораций	30
Харчевня	31
Сердце	32
Приговор	33
Часть 2: К Аспазии	35

К Аспазии (I)	36
К Аспазии (II)	37
К Аспазии (III)	38
К Аспазии (IV)	39
Немного алого на белом	40
Снегурочка	41
Варяг	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Известь

Сергей Пахомов

© Сергей Пахомов, 2016

© Творческая группа FUNdbÜRO, дизайн обложки, 2016

© Анатолий Концуб, иллюстрации, 2016

Редактор Нина Писарчик

Корректор Нина Писарчик

ISBN 978-5-4483-4861-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1: Метаморфозы

Анатолий Концуб. Тишина (2006 год).

Метаморфозы

Хула и поношение богам
За слёзы Публия Овидия Назона!..
Блестя доспехами (не детям – по серьгам),
Спешит преторианская колонна,

Как время по рукам кариатид...
Взялись за пряжу Децима и Морта.
Мне сердце молчаливо говорит,
Что это не последняя когорта.

И так за легионом легион,
Как овцы, благоденствуя сквозь слёзы,
Мы для закляний пятимся в загон,
Где нам Плутон прочтёт метаморфозы.

Душа, не обладая естеством,
Не веря в предначертанность событий,
Отождествляет Парку с божеством,
Усердно передёргивая нити

Обычной человеческой судьбы,
Где смерть, как и зима, не за горами...
Я видел придорожные столбы,
Украшенные беглыми рабами...

Мой дом уснул на горном берегу,
За домом – пруд в убранстве белых лилий,
Фруктовый сад... Я долго не смогу
Отдать долги, любезнейший Эмилий.

На дне пруда – холодные ключи,
Повсюду пучеглазые стрекозы...
Набор неуважительных причин,
Чтоб я не написал метаморфозы.

Дня два назад привёл домой гетер
И, сделавшись назойливым, как муха,
Поставил им Овидия в пример,
Зудя о вечном разгильдяйстве духа.

Ложь правдолюбцу, как земле – вода,
Чтоб глупая надменность охладела...
Январским инеем примята борода —
Метаморфозы старческого тела.

Мне цезарь посулил высокий пост
И два сестерция – за лист имперской прозы...
Так, алчных устремлений симбиоз
Мешает мне начать метаморфозы.

Овидий, знаю точно, был бы рад,
Беря всё то, чем брезговал Гораций...
Я предпочёл уединённый сад
И запах распутившихся акаций,

Лукрецию... Я утром ей вручил
Мной лично обезглавленные розы...
Теперь я знаю тысячу кручин,
Чтоб не упоминать метаморфозы.

Как не хватает мозаичных терм!
Бесед с Овидием за чашею нектара...
Одна из главных в жизни теорем —
Происхожденье собственного дара.

Бродя по руслу мелкого ручья,
Беду, как нарастающие грозы
За виноградниками, ждёт душа моя,
Как понапрасну ждёт метаморфозы.

Мы, римляне – отчаянный народ,
Чванливые, порой глухие сердцем...
Корнелий обещал, что Рим умрёт,
Как роща, под ногами иноверцев.

Давай сыграем. Нечет или чёт?
Откуда заклинитель форм и линий
О крахе Рима знает наперёд?..
И странно, что молчит об этом Плиний.

Терпсихора

Печальным взором Терпсихора глядится в русские поля:
На сцене шляпки мухомора танцует избранная тля,
Хор певчих шишек, как церковный, тягуче-
православный хор,
Шуршит язвительно-духовно о том, что достославен бор.
Я поскользнулся на маслухе, чья затрещала кожура,
«Чёрт побери», – звенели мухи стальной дужкою ведра.
Жара... На противне залива, в окладе лилий-Бовари,
Карась устало-прозорливо лежал, пуская пузыри.
Троянским яблоком раздора сияло солнце среди туч,
Изнемогая, Терпсихора на прерывающийся луч
Присела... Тучный муравейник опарой раздавался
вширь...
Жук-скарабей (не коробейник) листал берёзовый
псалтырь.
Я жаждал тайного признанья по мановению руки,
Но расступилось мирозданье над гладью голубой реки,
Гроза наметилась... Внезапно – как хлопнув дверью,
уходя,
Волною – тошнотворный запах до первых запонок дождя.

Гетера

*«Прибыл сюда не за тем, а по торговым
делам...» Симонид Кеосский*

Среди портовых лупанарий, пришвартовавшихся дикрот
Гетера (заросли азалий, предвосхищающие грот)...

Я прибыл из Александрии с поклажей зноя на плечах,
И, чтобы вы ни говорили, нет обходимости в речах,
Когда есть спинтрии... Свыкаясь с непослушаньем ног
своих,

Я к ней приблизился, алкая. Желанье плоти – для двоих.
Под сводом гулких лупанарий, где, мозаичен, бродит
Вакх,

Ссыхалось сердце, как гербарий, шурша на разных
языках.

Наутро, выплатив денарий, что было щедро и всерьёз,
Я уплывал от лупанарий с глазами, влажными от грёз.
Потом опишет Плиний младший Помпеи гибель,
а пока —

Чем парусила стлатта дальше, тем уязвлённее тоска
Была по Лесбии... В Египте (загадка Сфинкса) я решил:
Любовь – соитие событий, усекновение души.

Скатерть-самобранка

Всё спит... Надеюсь, что проснётся. Изнанкой грубою
листа

Лукаво осень улыбнётся... Пролётом старого моста
Пришёл Кондрат в широко поле на перекрёсток трёх
смертей:

Одна – паслась овечкой Долли, другая – утра мудреней,
Как тень от камня гробового, как стрелка компаса
(лампас),

Указывала Иегову, и тем замыливала глаз.

Смерть третья – скатерть-самобранка – была злоумна
и хитра,

Свистела дыркою баранки, гремела дужкою ведра.

Она, ничем не отличаясь от света яблони в саду,

Как лодка, обретала чалость и обитала там и тут.

Смерть обиходила, шуршала, топила печь, метала стог,

Ждала меня в платочке алом на перекрёстке трёх дорог.

И по щеке её катилась слеза несбывшихся надежд,

Когда над родиной пылилась звезда за город Будапешт.

Пылал-горел Семипалатинск зарёю новой по холмам.

Смерть, словно сорок тысяч братьев, мне письма
отправляла в спам.

И чуж нервное дыханье, как промельк шторы на окне,

Я перепуган замираньем души, навязанной извне.

Маргаритки

Смерть, как вериги на запястьях, сердцебиение копыт.
Плету с утра, печальный мастер, венок из белых маргарит
ок... Странное сословье, цветы, украсившие склон,
они вплетаются с любовью в пространство света – от окон
до леса. В пору новолунья трава особенно свежа,
едва представляю, что я умер – не ощущается душа.
Цвети травую многолетней, скрипи поклонною сосной,
поэт. Отныне только эти цветочки властны над тобой.
Сентиментален, до блевоты, плету дрожащею рукой
венки (сонетов?) ... Что ты, что ты... На это есть поэт
другой.

Он вечно стар, он дышит в спину – он ад придумал
круговой,
он человеческой мякиной набил рот Вечности. Бог мой!
Зачем якшаюсь с ним с тех пор я – до алчной перхоти
в зобу?

Так древооточец-жук упорно точит отверстия в гробу,
так роет норы крот сомненья (вулканов жерла вдоль
дорог),
откуда стон недоуменья: а есть ли Бог?

Викинг

Над тёмной водою Ла-Манша на утлом, гнилом корабле
Скольжу, как пассажи Ассанжа (кортежи, плюмажи
Рабле)...

Вход в Темзу баржою запружен, и пушки пристать
не велят:

Я был никому здесь не нужен пятнадцать столетий
подряд.

Я жну вероломство и смуту, как жнут поселяне ячмень,
Боюсь за казистую утварь и прячусь в полдневную тень.
Со мной не считается Один, мой меч не зазубрен от зла.
Кровавою пеной блевотин прославлены ярлов дела!
Вальгалла! Сощурясь на солнце, я слушаю реквием волн,
Которые (пьяница-Моцарт) ласкают и слух мой, и чёлн.

Саами

Поной... Деревня Краснощелье... Мой взгляд привычно
непредвзят.

Пороги горные, ощерив булыжники, глухошумят.

Как доски мостика над речкой, прижаты сёмужьи горбы
Друг к другу так, что первый встречный переберётся
(по грибы).

Медведь, линючая лисица... Быть может, я, скользя,
пройду

По воспалённым половицам, держа подмышкою звезду.

Цветы, как женщины саами, луноподобны, на ветру

Шуршат – не снегом – лепестками, прижавшись
к бледному костру.

Горит распластанною сёмгой ночное солнце над
холмом...

Со спиртом открывая ёмкость, лопарь ушёл на водоём
(Разбавить). Каторжная кружка – по кругу, как
небесный дар,

Как трубка мира; я мякушкой морошки потушил пожар
Во рту, подумав: «Их осталось от силы тысяча...»
В груди,

Согревшись, сердце потерялось, как инок, сбившийся
с пути.

Герострат

Не возлюби дотла ни ближнего, ни Бога,
Как я не возлюбил, – подумал Герострат:
От азиатских яств – дельфийская изжога,
От Зевсова огня – потница анфилад.
Сжечь Артемиды храм нельзя – ни в одиночку,
Ни варварской толпой, ни с помощью богов.
Мой милый Герострат – предугадаю (в точку),
Как смог ты притащить на гору столько дров?
Быть может, ты весь год там подрубал оливы,
У греков на виду, пленяя членом жриц,
Мой юный Герострат, твои потуги лживы,
Как сказка на устах неузнанных убийц.
Разграбили казну, хранящуюся в храме,
Не говоря о том, что мрамор не горит...
Теперь твоя душа, лишь сток в помойной яме,
И головная боль для новых Артемид.

Кальмары

Фосфоресцируют кальмары, как светляки в саду ночном
(Как в глубине пустого бара горящий голубым огнём
Ликёр карибский «Кюрасао»), гнилушкой
пламенного пня,

Колонной мавзолея Мао, листвою на закате дня,
Над зеленеющей могилой – пространным облаком
частиц,

Улиткой, что в долине Нила ползёт не покладая ниц.
Фосфоресцируют кальмары в заливах лапчатых морей —
Боками ёлочного шара, помётом крапчатых гусей,
Снегами, свёрстанными в кокон, как блиц-вагоны –
в поезда...

На стёклах запотевших окон фосфоресцирует вода.
Нас провоцируют кальмары, как сны аллергика – мохер,
Как отраженье Бальтасара в зеркальных шхерах
полусфер!

Кальмаровидная туманность, всплывая из кротовых нор,
В глазах просеивает манкость, как мельхиоровый прибор.

Уильям

Мой сон, как рассольник без соли, разграбленная казна...
Уильям, рейтузой Мальволио желтеет над Темзой луна.
Уильям, свербит коноплянка, шныряют стрижи
по полям,
Порхает мятежно беглянка (Корнелия-бабочка) в спам.
Уильям, Уильям, Уильям, над бездной третейских забот
Вина фарисейского выльем лернейскому чудищу в грот?
Уильям, печально на свете, уклончива Темзы вода,
Отраднo, что мерзкие дети по сути – отродья Христа.
Уильям, что кроется в небе за тучей, косящей дождём?
Уильям, вечерний молебен сегодня отслужим вдвоём.
Кипит океана рассольник... Прости, отвернусь по нужде.
Уильям, что станется с болью? Уильям, Уильям, ты где?

Египет

В старом Египте, в одной из гробниц,
Ржавый папирус нашёл я... Отныне
Знаки мне снятся, что падали ниц,
Словно барханы, в угоду пустыне...

Вслух бормочу... и загадочный Сфинкс
Мне открывает вселенские сути:
Я – финикиец, я – эллин... я – инк...
Страшно до пота, прекрасно до жути!

Друг-археолог с лицом хитреца,
Чуть поперхнувшись, сказал, как отрезал:
Это обычный донос на жреца
В пору правленья второго Рамсеса...

В жарком Египте – подавлен, смятён...
Рванный папирус я бросил в гробнице,
Слушая, как в коридорах времён
Он грохотал колесом колесницы.

Майя

Недвижим, как белые луны, как в проруби зимней вода,
Коней оседлавшие гунны (метафора) – рыбы стада,
Ацтек юкатанской ривьеры, нырнувший по горло в сенот,
Я сердце кровавое веры несу, как старуха киот.
В день Важности, лежа на чаше, я вижу и жизнь мертвеца,
И сердце, которое пляшет, зажатое дланью жреца.
Как сладко оно замирает, как искренне брызжет огнём!
Порою такое бывает в аду рукодельном моём.
Я – майя! Горячие вербы в саду распахнули сердца,
И осень кинжальные ветры баюкает им без конца.

Клон

В отрогах вечного огня томится дух мой, сумасшедшен,
Я прорицаю о прошедшем и тлею, словно головня.
Небережливая душа стяжает споры вдохновенья,
Я полон щедрого растленья, как пух, летящий с камыша.
Мой сослагательный Гомер, я научился лгать безугло,
Отображаясь в сетке Гугла одной из эллинских триер.
Я кропотлив и предрешён, я обречён на состязанье,
Мумифицировав сознание. Я – мёртвой мысли фараон —
В гробнице времени, нетленен.
В забальзамированный рот
Душа, как яблоко по темени, стучит и просится в полёт.
Верни мне, Варус, легионы... И я воскресну неспроста,
Как чудотворный клон иконы мной не распятого Христа!

Летучая мышь

Остервенели бентофаги от изобилия стрекоз,
Луна, зачатая в овраге, приподнималась на откос.
От плесков пена пеленала рябь отуманенной реки,
Торча, – точилкой из пенала – часовня дула сквозняки.
Орябоват и коростелен, пролесок лесками осин
Звенел, как тетивою эллин – при взятъе персами Афин.
Но хорошо, что Фемистоклов у нас – как пугал во саду,
Рать персиянская поблекла, поблекли звёзды на мосту,
Едва ночными фонарями овестествлён был божий свет,
Так меркнет в погребальной яме землёй осыпанный
скелет.

Ракушка, тлея на ладони, закрыла створки. Ночь пришла,
И скрыла тысячи агоний, и вскрыла нежные тела
Дневных существ, цветов, растений, пурпурной Эос
вены... Что ж...

Борей, уставший от борений, как неподкованная вошь,
Смешон. Поэт – летучей мышью – взмыл, перепончато-
крылат,
Над распушившейся камышью, над предвкушением
утрат.

Руны

Носи за пазухой Алатырь, в том смысле, что вокруг тебя
Весь Мир вращается (Анадырь – моржами гордыми
трубя).

Иди по Радуге, чтоб видеть вокруг да около разор
Чужих селений... Плачет идол – смолою
из древесных пор.

Так, из воинственного града, что Чернобогом осеян,
Вдова озлобленная Крада несёт погибель для древлян.
Спешат ладьи по водам Леля – в шеломы бить
о сватовстве,

Где щуку выловит Емеля, и затеряется в траве
Уд – хлебосольное посольство, дороги порастут
быльём...

Княгиня усмехнулась скользко и закопала всех живьём
(И не заглядывая в небо, оставшись варваркой в душе,
И помня, кто такая Треба) – в кипящем адовом ковше
Натопленной дубовой бани (ещё не кончена вражда)

Горели глупые древляне – сбывалась алчная Нужда.
Коварство – древняя богиня (не в счёт ахейские мужи),
На тризну Ольга (Берегиня) несла за пазухой ножи.

В чем Сила ратоборца Мала, Опора воинства древлян?
Княгиня мёдом угощала, косясь на Игорев курган...

Лежит, изрублена, дружина, ворон – над падалью –
пиры...

Дажьбог – водою из кувшина – льёт поминальные дары.

Подвластна молнии Перуна, гремела дальняя гроза,
Несуществующая руна катилась по щеке – Слеза
Старухи, выжившей от горя и от бесчестья из ума...
Рок подступал, как Ветер с моря, а следом надвигалась
тьма.

Бог раздвоился: коростели, а может, стая голубей,
Слетелись в Искоростень тенью – горела пакля меж
когтей.

Исток – замёрзшими краями... Я рассказал о том, что
Есть.

Доныне во Вселенской яме, как эхо: «Хороша ль вам
честь?».

АТО

Вознаграждением за то, что сел в тюрьму по воле божьей:
Донецк. Аэропорт (АТО) и рожа, с миною расхожей.

Мой Бог – в окопе. Их – нигде (Я знал похожие
пространства,

Где Бога нет, где на звезде – вокруг – кровавое
убранство).

Мы вспоминаем о былом, когда нет смысла в настоящем,
Лишь смерть (озвучена кайлом) да простынёй обитый
ящик.

До ловчих пуль мне дела нет, к ним привыкаешь, словно
к осам

(Так в детстве я носил обед отцу игольчатым покосом)...

Фантазмагория души, её глухое превращенье

В огонь, таящийся в глуши, в огонь, мерцающий
отмщеньем.

Мечь стимулирует вражду, проточа дух, как в день
весенний

Ручей, томящийся во льду, приобретающий теченье,

Точит сугробы... Коробок – чей приплывёт быстрее
в гавань,

Где свет надежды волоок, где вербы восклицают: «Аве
Мария!...»? Надо проползти сквозь толщу мёртвого
бетона,

Где воздух так зажат в груди, как сыновья Лаокоона

Морским чудовищем... Хлопки, низколетающие

трассиры,

На расстоянии руки – воронок воющие дыры.

В колючих лаврах лагерей идём отцовою дорогой,

Не видя слёзы матерей и руководствуясь – не Богом.

И звёзды!

Пространство и время, где сходят с ума,
От чёрной сумы зарекалась тюрьма
Вселенной...

Где не было брода, уродлив – замри! —
Курсировал отблеск иконы Кюри,
Нетленный.

Что с воза упало – пропало в ночи:
Упали дрова прогоревшей печи —
Угарно.

На то и карась, чтоб рыбак не дремал,
Май-месяц и месяц из тучи (Непал)
Не парно,

Ознобясь, сползали, как с воза дрова,
Рука и река, не попав в рукава,
Как дышло в оглобли,

Запутали складки ночных камышей,
Как вши шевелюру – гоню их взащей,
Озлоблен.

Со скоростью света спасалась душа,
Пространство и время астрально круша,
Но поздно.

Кометы, планеты, квазары, миры
Глотало исчадие чёрной дыры...
И звёзды!

Гораций

Произрастает одинокость в моём несведущем саду.
И неба дёготь, ветра копоть – как пребывание в аду.
Мой занимательный Гораций (круги от камня по воде),
Ублюдок – пачкой ассигнаций висит, с отрезанным муде.
Насильник. Это мне понятно. Чем проститутка не права?
По телу гниlostные пятна, стекает кровь на рукава.
Весь мир сосёт попеременно... К чему я? Просто бабу
жаль.

Твой ад и мой одновременно скрывают нежную печаль.
Отмечу: зрелищно и скучно. Я, древний ужас ощутив,
Судьбой поэта злополучной, как неотлучное дитя,
Насытился... Пойдём в беседку, куда нас Данте
поместил,
Где есть соседи, не соседки...

– Сафо?

– Однако насмешил...

–)))))))

Харчевня

Мансарда белых снов, суть сна потусторонняя,
Невзрачная луна ребрится, как бордюр,
Докучливая ель елозит, словно сводня,
Фальшивит иногда кузнечик-Азнавур.
Я обретаю звук, бродя в других угожьях,
Я низвергаю слух, толпясь в иных краях,
Где я стяжаю дух, где промыслом Господним
Кормлю своих детей: харчевня на паях.
Я думал заложить свой пай за вдохновенье,
Но ловкий компаньон меня отговорил:
«Не стоит ни гроша твой дар, лишь самомненье,
Которым я тебя с лихвою одарил.
А так бы почивал на лаврах и левкоях,
Не убирал бы сад, не шкрябал щёткой медь...
Сиди себе, грусти, мне жалко нас обоих,
Но надо бы ещё Иуду пожалеть».

Сердце

Варфоломеевская ночь. Горит заря крестообразно,
Земля, разодранная в клочь, уныло собирает пазлы:
Приставит долу – теремок, а к озеру – причал скрипучий,
Камыш... Я знаю назубок, куда переместятся тучи
Посредством ветра. Круг луны (сравню его с гончарным
кругом)

Вращается, озарены стога над разношёрстным лугом.
Я – протестант. Оконных рам кресты – в сиянии
размытом —

И мой ночлег, и тарарам убийцам выдают открыто.
Кроваво-красные плащи осин мелькают возле дома,
И подбираются ключи, и поджигается солома.

Я жду, когда они войдут, как шпаги, обнажая ветви...
И сердце, скрученное в жгут, проткнут, и вырвут
незаметно,

И пустят по ветру, как лист. Покорно закрываю веки...
А сердце – по ступеням вниз – под свист безудержный:
«Ацтеки!».

Приговор

Молчат эдемские сады,
Кусты терновника и лавра,
Звезда Офелии, тень мавра
Благоухают, как цветы.
В аду попархивает снег,
Дант и Гораций – в первом круге,
Уединившись на досуге,
От скуки жарятся в «блек-джек».
Замедлен Стикс, где полудико
Храпит Харон. На полпути
Морфей окутал Эвридику,
Зевают Цербер взаперти.
В подлунном – тайнопись восхода,
Кемарят птицы на столбе,
Смерть с упоением поодаль
Спит, неприметная толпе.
Укрылось эхо на просторе
Росой курящихся равнин,
Молоковоз, оттараторя,
Заглох без видимых причин.
Беззвучье – нежное до жути,
Клюют пролётами мосты,
Валун царит на перепутье,
Колодец в рот набрал воды.
Как рыба, нем собор облезлый,

В гробу безмолвствует истец,
Его душою бесполезной
Обескуражен Бог-отец.
Запахло выпивкой и снедью,
Над ямой высится бугор...
Через чистилище – к бессмертью —
Приносит ангел приговор.

Часть 2: К Аспазии

Анатолий Концуб. Предчувствие потопа (2014 год)

К Аспазии (I)

Аспазия, труднодоступный холм —
Последнее из дальних путешествий...
Белеют за холмом отары волн
Под неусыпной розгою созвездий.
Аспазия, простынешь на ветру,
Присядь к огню, гудящему как улей...
Аспазия, дай ноги оботру:
Не смеет обзывать тебя грязнулей
Урания... Дитя моё, прочти,
Что друг твой нацарапал на табличке:
«Ре-чи-та-тив».
Не пойманный, с поличным,
За кражей Олимпийского огня,
Бог-Прометей, как видишь, перед нами...
Аспазия, ты выйдешь за меня,
Философа, побитого камнями?
Аспазия, до спазм, до хрипоты
Люблю тебя... Твои стопы омыты,
Как первые весенние цветы,
Слезами ускользящей хариты...
Аспазия, ты дремлешь? На горе
Пан горлодёрствует, вакханок созывая...
Аспазия, я сильно постарел?
Аспазия... Аспа-зи-я... (зевая)...

К Аспазии (II)

Аспазия... я шорох слышу там,
Где луч зари ресницами захлопал...
Я говорил: не верь своим ушам,
Как я не верю в честность Пенелопы.
Аспазия, от ругани богов
Тот выиграет, кто не суеверен...
Я отойду собрать немного дров,
Как вскоре отойду на тёмный берег,
Где неподкупный властвует Харон,
Где я – как вор, не пойманный с поличным...
Ты не печалься после похорон
И отошли в Фессалию таблички.
Аспазия, ты выйдешь за меня,
Поэта, превзошедшего Софокла?
Аспазия, достаточно огня?
От утренней росы насквозь промокла
Туника... Украшенья не забудь.
О, юная... о, дивная Даная!
Как вздрагивает старческая грудь!
Аспазия! Аспазия... (вздыхая)...

К Аспазии (III)

Овечьей шкурой мир не уберечь...
Мир можно взять – и походя разрушить.
Так реки, продолжающие течь,
Аспазия, мелеют, словно души.
Оливу осторожно наклоня,
Возьму плодов немного на дорогу...
Аспазия, ты выйдешь за меня,
Отверженного небом полубога?
Природа от рождения груба,
Я быть устал, судьбу превозмогая...
Остановись, я пот утру со лба,
Аспазия. Аспазия?.. (моргая)...

К Аспазии (IV)

Что я скопил, отдаст Фессалион...
У Греции родной – двойное горе.
Триеры загораживают понт,
Скрывая опостылевшее море.
Эгей прознал о чёрных парусах...
Я заплутал в громадном лабиринте,
Как образ твой в моих последних снах,
Без нити Ариадны, без наитий.
Аспазия, ты выйдешь за меня,
Несчастливого, простого человека?
Дай руку мне... Аспазия, огня!
Огня, Аспазия, любви, свободы, снега!
В глазах темно... На беглую зарю
Наброшен плащ от края и до края...
Аспазия, тебя благодарю...
Аспа-зия... Ас-па-зия... (стена)...

Немного алого на белом

«Былого не было...» Геннадий Жуков

Немного белого: минога... Минута – вспомнить о былом.
Былого не было... Дорога, перед которой отдохнём.
Павлиний паводок, к причалу завозня-лодка подошла,
Полоски белого на алом: шлагбаум в образе угла.
Немного белого на алом: матерчат, перист небосклон...
Я, как оставившая жало пчела в уключинах времён,
В ключицах вечности... Завозня шуршит ноздрёю
о камыш.
Былого не было. Обозней – ряд удаляющихся крыш.
Немного белого на алом: гвоздики смерти на снегу —
Весеннем, утреннем, подталом. И гнёзда, гнёзда —
в берегу.
Окопы, копать от орудий, разбитый вдребезги лафет...
Былого не было. Остуден воспламенившийся рассвет.
Как сжато судорогой тело на простодушной простыне!
Немного алого на белом... Снегирь, оттаявший в окне?

Снегурочка

Закат был беспричинно жёлтым, свистели птички: «I love you...»,

Торчал, как шип за ухом Шолто Бартоломью,

На небе травоядный месяц, корчма дымилась за углом,
Где мне обещано, что в десять я буду больше, чем знаком
С одной приятною особой... Предвосхищая счастья миг,
Пригубил я коньяк «Особый» и дерзко заказал шашлык.
Сверкал сокровищами Агры дождь над промоиной окна,
Мне б показалась Грета Гарбо, лишь обозначилась
Она —

Дурнушкой... Наслаждаясь воплями на волнах – «ретро»
и «шансон»,

Я возлежал на дне (утопленник!) глаз, выразительных,
как стон.

Как сволочной соратник Пестеля, но только головою
вниз,

Завис я, содрогаясь весело, удобный на любой каприз.
Слезам душа моя не верила – оскоминой под кадыком —
И, несмотря на то, что веяло потусторонним холодком
От взгляда гордого Снегурочки, прилипла насмерть, как
ладонь

Соседки по подъезду (дурочки) ... Я уговаривал:
«Не тронь

Губами мёрзлую балясину...» – кристаллизуясь, как
слюда,

Всё горячей, всё безбоязненной кровь откипает ото льда.

Варяг

Едва ли от белого люда есть толк и прибыток душе.
Последняя капля Иудой висит на берёзе. Драже
Весеннего града. Протока, местами из тонкого льда...
Научишься охать и окать, приехав навеки сюда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.